

«Хм. И это не сработало. Впрочем, это лишь вопрос времени», — подумал Джоффри, поднимаясь с кровати, после чего направился к окну.

«Это не сработало в прошлый раз, но, возможно, дело в Красном Замке», — размышлял он, выпрыгивая из окна.

Во двор он упал изломанной и окровавленной куклой. Люди вокруг вскрикнули в страхе, а сам Роберт был бледнее простыни, слезая со своей лошади и подбегая к Джоффри.

— Боги! Джоффри! Сынок! — кричал Роберт, пару мгновений в панике топчась на месте, после чего схватил ближайшего золотого плаща и толкнул его в сторону основной крепости, — Ты! Сейчас же приведи верховного мастера!

«Роберт, успокойся, я не твой сын», — попытался сказать Джоффри, но смог только булькнуть.

— Ох, Джоффри, пожалуйста, — с трудом произнёс Роберт, взяв его и удерживая в руках.

«Не знал, что он настолько беспокоится обо мне. Тем более жаль», — подумал Джоффри, когда его зрение затуманилось и вернулся Пурпур.

Он усмехнулся, в то время как агония полностью охватила его. Это всё на что ты способен?

«Старайся лучше», — думал Джоффри, устремляясь в объятия бездны.

Джоффри шёл по коридору Красного Замка. Он свернул направо и дошёл до покоев Королевы, которые охранял Цареубийца.

— Принц Джоффри, — сказал он, кивнув.

— Отец, — вернул кивок Джоффри.

Джейме был настолько ошеломлён, что даже не вздрогнул, когда Джоффри разрезал его шею кинжалом. Он в удивлении схватился за неё, пытаясь остановить поток крови руками, после чего упал на пол.

— Прости, отец, я пытаюсь выяснить, чего же грёбанный Пурпур хочет от меня. Это становится утомительным, понимаешь? — говорил он, расположившись напротив двери. — Хотя, может быть сейчас... — задумчивым тоном продолжал принц, останавливая кинжал перед своей грудной клеткой. — Нет, лучше убедиться, — закончил он, опустив кинжал и открыв дверь.

— Здравствуй, матушка! — поприветствовал он Серсею, когда она вставала в изумлении со своего кресла.

— Джоффри, что слу... — начала она, но тут же онемела, когда увидела позади ворвавшегося в её комнату сына оседающее на пол тело.

— Извини за отца, матушка, но тебе действительно следовало хорошенько подумать, прежде чем трахаться с собственным братом! Такие как я вечно влипают во всякое дерьмо, взгляни только на Таргариенов! — сказал Джоффри, приближаясь к женщине.

Его мать выглядела подавленной, абсолютно не понимающей происходящее, она осела на пол, и, прикрывая обеими руками рот, пыталась сдержать мучительные всхлипы.

— Эй, откуда такая реакция? Я хотя бы не прыгаю в дикий огонь в попытке стать драконом! — хмыкнул Джоффри, а затем на секунду замер. — Дикий огонь... хм, — задумчиво произнёс он.

Джоффри кивнул и схватил рукой волосы своей матери. Он уже слышал крики из коридора, нужно поторапливаться!

— Я так устал от всего этого, это должно наконец закончиться, — пробормотал он, вскрывая Серсее глотку. Она даже не пыталась сопротивляться, вяло покаясь в его руках.

Сир Борос Блаунт ворвался в комнату с мечом наголо и шарил взглядом по сторонам, выискивая врагов.

— Ладно, ничего не вышло, — сказал Джоффри, погружая кинжал себе в сердце.

Последнее, что увидел он, прежде чем его встретил Пурпур, было вытягивающееся лицо сира Бороса. И оно изрядно его позабавило.

Верховный мейстер Пицель облокотился на своём кресле, взглядом изучая наследного принца. Он, как всегда, скрывался за образом слабоумного дурака, который хорошо служит ему на протяжении многих лет.

— Яд, что словно душит человека? — тихо пробормотал он. Разумеется, это Душитель. Но вот вопрос, зачем ему это?

Ладно, ничего не случится, если он даст ему его немного подержать. Не похоже, что принц собирается сбежать с флаконом, а если и решится, то он сообщит Королю, и ничего страшного не произойдёт. Хотя, рассказ наследника о том, что он «прочитал книгу и заинтересовался» был, мягко говоря, смехотворным.

Тем не менее, он прерывисто, почти дрожа, развернулся, отпер шкаф и передал ему опаснейший яд.

Джоффри взял флакон, посмотрел на него пару секунд и залпом выпил.

Верховный мейстер спотыкаясь поднялся, его кресло опрокинулось назад в момент, когда он схватил принца сильной хваткой, несоответствующей его пожилому возрасту. ПРОКЛЯТЫЙ ДУРАК! МНЕ НУЖНО ВЫЗВАТЬ У НЕГО ТОШНОТУ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

Он тупо уставился на рукоять кинжала, торчащего из его груди.

— Ох, отстань, старик, — сказал Джоффри, отталкивая его назад.

Пицель отшатнулся и упал на свой стол, глядя на то, как Джоффри потягивает руками и щелкает суставами.

— Слишком сладко, на мой вкус. Похоже кто-то из подмастерьев мастера отлынивал... впрочем, он всё ещё действенный... я надеюсь, — бормотал Джоффри, расхаживая по комнате и ещё раз разминая руки. Пицель пытался остановить кровотечение, но сделать ему этого не удавалось. — Чёрт побери, Пицель, он должен был уже начать действовать, отц... А! Чёрт! Роберту следует уволить тебя и нанять алхимика, — нетерпеливо произнес Джоффри.

Пицель ничего не ответил, он пытался добраться до ближайшего шкафа, где хранил

медицинские принадлежности.

«Нужно... остановить...кровотечение...» — думал он, перебирая свои ключи. Джоффри не придавал этому значения.

Принц кашлянул, после чего улыбнулся. Это зрелище шокировало Пицеля настолько сильно, что он выронил ключи.

— О боги, — пробормотал он, скорчившись в попытке взять их.

— Что же, вот и этот сладкий момент... Сладкий... ха! — смех Джоффри затих только в момент, когда он упал на пол, изгибаясь и держась за горло.

Пицель, наконец, смог найти нужный ключ, но обнаружил, что он не может подняться.

О нет...

Его зрение затуманилось и последним, что он увидел, было лицо Джоффри, искаженное в... досаде?

Ка... кого...

Боги... я так устал. Думаю, нужно немного отдохнуть... но есть ещё пара способов, и их надо сперва проверить... Интересно, а что если...

...

— Я повторю ещё раз, ладно? Тебе нужно будет пытаться меня, — сказал Джоффри тюремному надзирателю, который являлся также неофициальным палачом Красного Замка. Тот стоял перед юношей с тупым выражением лица и что-то неуверенно бормотал, оглядываясь по сторонам, словно пытаясь найти кого-то, кто сможет помочь ему в этой откровенно странной, нет, дикой ситуации.

— Э... Я не могу этого сделать, ваша светлость, — промычал он, делая малюсенький шаг назад.

Наследный принц вздохнул и, приблизившись, протянул надзирателю свой кинжал.

— Это не очень-то сложно, — раздражённо произнёс юноша, сжимая руку палача (уже с кинжалом) и пронзая насквозь свою щёку. — Видишь? — сказал он ртом, полным крови, вытекавшей оттуда на пол.

Мужчина отшатнулся, выпуская крик из лёгких, и побежал вверх по лестнице, перебирая ногами так быстро, как мог.

Полагаю... Да, похоже, это придётся делать самому. То, что я делал со Старком не кажется слишком сложным... Хотя может получиться не слишком точно...

— Проходите сюда, мой принц, — сказал мудрец Галлин, ведя Джоффри по хранилищу. Десятилетиями нас не устаивали визитом царственные особы. Во благо гильдии я обязан произвести впечатление на принца.

Он внимательно наблюдал за Джоффри, в то время как они спускались в подвал, где хранилась субстанция. Люди часто с пренебрежением относились к Гильдии Алхимиков, видя в них всего лишь дешёвых фокусников.

«Глупцы, — думал Галлин. — Таргарианы понимали настоящую ценность их работы, всю её важность. Однако вместо дракона я получил глупого оленя».

— Вот одно из хранилищ, как видите, мы предприняли достаточные меры предосторожности, — произнёс мудрец, показывая на ряды «дикого» огня, подвешенные между мешками с песком, приготовленных на случай непредвиденной детонации. Галлин взял один из них с полки, осторожно вертя субстанцию в своих старых, опытных руках. Принц смотрел на неё со странной смесью любопытства и апатии.

— Могу я посмотреть, мудрец? — спросил он.

Отсутствующий взгляд принца пронёсся по Галлину дрожью, словно служил плохим предзнаменованием, но мудрец быстро её подавил. Мы должны возратить поддержку трона! Король Роберт был более чем разочарован, когда его предшественник пришёл к нему с просьбами о дополнительном финансировании.

Его мудрейшеству Говарду повезло, что Роберт просто не размозжил его голову своим ужасным молотом...*

(* Другой вариант фразы: "Его мудрейшеству Говарду повезло, что Роберт, поигрывая своим молотом, не предложил ему продать свою голову отдельно от тела...")

С немалыми предосторожностями старец передал субстанцию принцу. Тот будто немного осмотрел зелёный сосуд, а затем осторожно выкрутил крышку.

— Осторожней, мой принц, — произнёс Галлин, с беспокойством смотря на Джоффри. Принц оглянулся на него и хмыкнул:

— Будет иронично, если я превращусь в дракона... ха! — проговорил он, выпивая содержимое сосуда одним глотком.

Джоффри хрюкнул, немного наклоняясь и приседая. Это длилось секунду, прежде чем он взорвался в зелёном огне, охватившем его тело. Потрясённый Галлин пронзительно завопил, разворачиваясь, чтобы убежать, но ему не хватило времени: взрыв опалил его спину и бросил в сторону, разбивая им всё больше баков с диким огнём. Чем больше взрывов сотрясало здание, тем быстрее сгорали поддерживающие опоры, после чего мудрец, огонь и принц были похоронены под лавиной песка, что обрушивался с потолка.

Любая последующая смерть проносилась мимо Джоффри быстрее предыдущей, воспоминания о них размывались, а боль ощущалась всё слабее. В каждой из своих жизней он разговаривал всё реже и реже, а способы умереть, что он выдумывал, становились менее продуманными и отличными друг от друга. Его эмоции очищались, а давящее чувство вины и отчаяние становились всё менее невыносимыми. Также Джоффри начал уставать гораздо сильнее, а в последние пару жизней у него едва были силы встать с кровати и выпрыгнуть из окна.

«Это... работает...» — думал он затуманенным усталостью сознанием, сваливаясь со своей кровати и пытаясь открыть окно. Джоффри с трудом чувствовал свои запястья, пытающиеся

нащупать замок.

Выматывать себя... это... работает...

Он наконец смог открыть окно, но его кожа уже не ощущала и ветра, что дул с улицы.

Джоффри скорее выпал, чем выпрыгнул из окна, и почти не почувствовал боли, когда ударился о каменную кладку двора. Даже Пурпур ощущался еле-еле. Его мысли замедлялись, и всё помутнело.

Он терял себя в этом тумане.

Джоффри плыл в тумане.

Он совершенно утратил чувство времени и перестал адекватно воспринимать окружающую его реальность.

«Меня больше нет», — думал он, испытывая лишь апатию. Даже в процессе размышлений над этим, слово «Я» теряло своё значение, и больше не было «Джоффри», было лишь... расплывающееся нечто.

И был лишь туман, изредка перемежающийся пурпурными облаками, как погода, что пришла и уйдёт с одним порывом ветра.

...

...

...

...

...

...

А затем, будто слабым течением, движущимся бесконечно медленно, его потянуло назад, подобно маятнику, достигшего предела своего импульса... он начал возвращаться. Джоффри почувствовал, как он медленно формируется заново. Пурпурные ветра, до этого спокойные, начали закручиваться, в то время как Джоффри... вспоминал.

Я...

Я... Джоффри.

Поначалу медленно, воспоминания вернулись. Наследный принц... Нет...

... предатель и бастард...

Туман ненадолго отступил, и он мог видеть светловолосую женщину, бережно кормящую его

супом из ближайшей к нему тарелки. Несмотря на то, что Джоффри не чувствовал ни вкуса, ни своего тела, он слышал её успокаивающую мелодию.

Мама...

Всё снова затуманилось, и Джоффри продолжает дрейфовать в пустоте, с безразличием, совершенно нейтральный ко всему. Когда он вернулся, то увидел высокого мужчину с залысинами и стальным взглядом. Он спорил с красивой красноволосой женщиной, которая, несмотря на свой внешний вид, словно излучала ауру опасности.

Дяд... лорд Станнис... король Станнис...

«Они снова собираются сжечь меня», — подумал Джоффри, хотя эта мысль, похоже, не смутила его. Обсуждение приобрело горячий характер, когда красноволосая женщина жадно протянула руку к лицу Джоффри, которую сердито отбил Станнис, после чего приказал нескольким мужчинам вывести её из комнаты.

Что же, его не сожгут. Он не чувствовал ни облегчения, ни разочарования, пока всё снова расплывалось. Джоффри не знал, как долго всё заволакивало туманом, что изредка прерывался вспышками пурпура. Мгновения, когда он мог видеть, были редкими и мимолётными, и в основном он наблюдал слуг, а также свою мать.

Разве не печально быть настолько безучастным в момент, когда твоё сознание погрузилось в глубочайший мрак?

Он, если честно, не мог ответить на этот вопрос.

Спустя тысячи лет, а может всего день, Джоффри будто приземлился на свою кровать, расплывчатое ощущение от нахождения в пустоте отступило, словно утренний прилив... и осталось где-то на границе восприятия. Некоторое время он отдыхал, смотря на тёмный потолок.

Прикладывая титанические усилия, Джоффри поднялся на ноги. Он едва мог их почувствовать, пока медленно прихрамывал в направлении двери. Красный Замок был погружён во тьму, а тяжёлый стук дождевых капель казался вездесущим. Пока Джоффри прихрамывал до главных ворот, только редкие факелы и вспышки молнии освещали ему путь.

Дождь был настолько сильным, что гвардейцы и не заметили, как он прошёл мимо них одновременно с повозкой, въезжающей через главные ворота. Полностью промокший, он держал путь через Королевскую Гавань. Несколько простолюдинов, что увидели его в темноте под застилающей взор пеленой дождя, убрались с его пути, должно быть, принимая его за нищего.

Собравшись, наполненный решимостью и изнеможённый духом и телом, Джоффри вошёл в Септу Бейлора.

Как и всегда, внутренние двери были открыты, но сама Септа была словно лишена жизни. Пока Джоффри хромал к Алтарю Отца, тяжело дыша от перенапряжения, его глаза начали наполняться слезами. В конце концов, на одной силе воле, он, пошатываясь дошёл и припал к ногам Отца.

Семеро... прошу, помогите... За что... За что вы поступаете так со мной?

Перестук дождя продолжался, изредка прерываясь далёким громом. Тяжёлые люстры едва умудрялись разгонять гнетущую и удушающую тьму.

Прошу... хватит... у меня... больше нет причины жить...

Прошу...

Джоффри в отчаянии бросился и схватил огромную ногу Статуи Отца, безумно вцепившись в неё.

«Отец, я знаю, что моё правосудие было мерзостью, а решения — издевательством. Но я лишь пытался... — Джоффри изо всех сил старался передать эту мысль, — Лишь пытался сохранить мир...»

Но извинения отдались пустым звуком в его мыслях, а зловещий гром осветил силуэт Отца, на краткий миг окутав Джоффри тенью.

Идеалы Отца, справедливость и харизма, которая увлекает за собой людей... Я не пытался обрести ни того, ни другого. Я был не лидером, а всего лишь тираном, и то, что можно назвать правосудием в моём исполнении, было лишь насмешкой над справедливостью. Я жаждал силы, силы, чтобы править, командовать... силы, которую давало мне всеобщее признание меня сыном своего отца, который никогда им и не был.

В конце концов, он увидел в глазах Отца чувство омерзения к нему. Сын своего дяди, как он мог вообще ожидать, что Отец его будет слушать, если у него никогда не было права появляться на свет? У него не было настоящего отца, поэтому Всеотец всегда будет стоять к нему спиной.

С возрастающим отвращением к себе осознавая это внутри, он подался к следующей статуе. Доброжелательная Мать смотрела сверху, заботливо и милостиво.

Всеблагая Мать, прошу, выслушай меня... сжался надо мной... Всеблагая Мать, прошу... ПРОШУ...

Взгляд Матери, казалось, сразу изменился и стал жестоким и неумолимым. Он словно затягивал в пучину безжалостности и жёг своим беспричинным отказом. Джоффри не найдёт милосердия и здесь.

Слёзы текли беззвучно, пока Джоффри прихрамывал к очередному алтарю, где бдительно стоял строгий Воин. Сквозь затуманенное зрение Джоффри казалось, что грозная статуя готовилась ударить его. Когда он проявлял настоящую силу? Когда он показывал истинную отвагу, кроме как при спасении своей собственной жизни? Когда он был храбр?

Он захромал дальше, не желая дальше стоять под этой ужасной и давящей силой. Дева будто смотрела на него с глумливой усмешкой, на её лице не отражалось ничего, кроме ненависти.

«Справедливо, — подумал Джоффри. — Я насмеялся над всем, что она защищает, убивал девушек и женщин».

Его лихорадочное сознание тут же услужливо подsunуло ему картину, как он держал прямо голову Сансы, заставляя её неотрывно смотреть на лицо своего мёртвого отца.

Я опорочил невинность, которую ты стараешься защитить.

От внезапного приступа отвращения к самому себе, Джоффри начало рвать, но изо рта вырвалась только слюна. Не испытывая ничего, кроме тошноты и стыда, он с трудом пошёл дальше.

Обходя Великую Септу, Джоффри остановился перед Кузнецом, но не успел даже начать молиться, как его затопило воспоминаниями о пытках, которым Джоффри подвергал своих слуг. Кроме того, на протяжении всех своих жизней он ни разу ничего не заработал своим трудом.

Споткнувшись, он упал на пол и пополз к Старице. Её загадочная улыбка померкла, как только он взглянул на неё, на миг освещённую блеском молнии. Мудрость, её идеал, была, возможно, тем, чего ему больше всего не хватало. Я убивал всех, кто пытался мне советовать, направлять меня верной дорогой. При любой возможности я отвергал её дар. И сегодня он не получит от неё никакой мудрости.

Медленно ковыляя к последней статуе, Джоффри схватился за помост, где стоял Неведомый. Раньше, умирая раз за разом, парень считал, что именно владыка смерти виноват в происходящем с ним, но был в корне не прав. Многие боятся его, но смерть, что он приносит, действительно является даром. Даром. Концом страданий. А Джоффри был отлучён от всего, что Неведомый символизирует, и никогда не сможет познать сладкие объятия смерти.

«Я абсолютно одинок», — звучало в мыслях Джоффри, пока он сползал по помосту Неведомого и сворачивался калачиком.

Затем была вспышка осознания, словно молнией ударившая по его разуму, одна единственная, медленно формирующаяся мысль.

Впервые, с момента как он зашёл в это место, Джоффри по-настоящему увидел Септу. Он отрешился от зловещей тьмы, от перестука дождя, от окружающего его доселе открытого пространства.

Он увидел возвышающиеся и устрашающие статуи семерых, что на самом деле были просто...

... Они были просто статуями.

Зловещее чувство, что охватывало Джоффри с момента, как он вошёл в эти двери, исчезло, и пришло осознание, что он был один.

Здесь никого нет.

Это место было холодным, безжизненным. И Семеро не помогут ему... он в самом деле был одинок, Семерых не существовало. Они. Были. Статуями.

Никто не мог помочь ему.

Сила воли, благодаря которой он держался, исчезла, и Джоффри позволил себе уйти. Он расслабил свои мышцы... свой разум... и Пурпур незамедлительно пришёл к нему.

Он задыхался, умирая под статуей Неведомого, но здесь не было никого, кто мог бы оценить эту иронию.

Принц проснулся со вздохом и не почувствовал ни следа привычной тошноты. Джоффри оставался бы в этой постели до конца времён, но некое чувство внутри подтолкнуло его, и он медленно оделся.

Джоффри вернулся... другим из владений безумия и Пурпура. После он понял, что постоянно подавлял свои чувства, и, когда плотину прорвало, на него навалилась такая усталость, которой Джоффри не смог противостоять и уступил желанию прилечь или вовсе проспать остаток дня.

Караван двигался на север, следуя неизменным путям судьбы, он также подыгрывал ей, всю дорогу отмалчиваясь, и лишь изредка отвечал на чьи-либо вопросы.

И не беспричинно, поскольку реакция семьи на его поведение в прошлом показала Джоффри их истинную суть. Его мать, невзирая на всю ту любовь, что она испытывает к нему, не поможет ему. Его о... Роберт некоторое время будет в растерянности, но вскоре просто найдёт себе эля и успокоится. Его... отец, как и всегда, будет наблюдать за ним издалека. А брат и сестра будут увлечённо играть друг с другом, ни о чём не беспокоясь во время остановок каравана.

Что странно, тем, кто пришёл к нему, был Тирион.

— Племянник, — кивнул Бес, осторожно заходя в шатёр Джоффри. В этот момент он глядел на пол с кружкой эля в руке, но почему-то не удивился внезапному приходу дяди.

Джоффри посмотрел на Тириона.

— Дядя, — сказал он тихо, делая ещё один глоток холодного эля.

Тирион взял стул и поставил его напротив малого стола Джоффри. Тот не остановил его, когда Бес налил себе немного эля. Тирион терпеливо ждал, пока Джоффри не нарушит неловкую тишину, но секунды складывались в минуты, в то время как принц продолжал ежеминутно притрагиваться к кружке и смотреть теперь уже на полог шатра.

— Племянник? — спросил дядя.

— Дядя? — ответил Джоффри.

На мгновение пространство заполнила тишина.

Бес покачал головой и наконец задал вопрос:

— Очевидно, что наше путешествие не доставляет тебе никакого удовольствия. Бывают дни, когда ты едва стоишь на ногах... — сказал Бес, собираясь с мыслями.

— ... Почему?.. Почему ты относишься настолько безразлично к происходящему вокруг? Почему ты всё время уединяешься в своем шатре? — спросил он таким же раздражённым тоном, как у Мейстера, когда принц не мог ответить на простейший вопрос по математике.

Джоффри похоже по-настоящему обдумывал свой ответ, лениво покручивая кружку в руке. Спустя пару минут молчания он пожал плечами.

— А почему бы и нет? — искренне любопытствовал он.

Ответ потряс Тириона. Ещё спустя пару минут молчания он поставил кубок и покинул шатёр.

— А вот это мой первенец, Нед, — произнёс Роберт, указывая на Джоффри с высокого стола. Король не нашёл своего, становящегося всё более неуловимым, сына, когда они прибыли в Винтерфелл, поэтому он представил его на пиру.

Джоффри молча брал себе пищу со стола, не замечая щенячий взгляд Сансы, которым она смотрела на него, и всякого рода попытки отвлечь его. Он разделявал кусочки курицы, глядя куда-то вдаль поверх тарелки.

— Он такой грустный, — докучала Санса Джейни Пуль, заливаясь румянцем.

«Грустный? Не то слово! У него взгляд человека, у которого нет ничего, что пробуждало бы в нём волю к жизни», — подумал Нед с возрастающим любопытством и лёгким беспокойством.

— Ты уверен, что Джоффри... в порядке Роберт? — спросил он старого друга.

Роберт нахмурился на мгновение, прежде чем ещё раз откусил огромный кусок от куриной ножки, которую держал в своей руке.

— Он такой уже пару дней. Ничего, придёт в себя, — усмехнулся он, после того как подозвал к себе проходящую мимо служанку.

Нед замер от внезапных воспоминаний о том, как он смотрел в никуда в Орлином Гнезде, когда получил известия о смерти своего брата и отца в Королевской Гавани. Он встряхнул головой, подцепив вилкой кусочек курицы, пытаясь заглушить неожиданную боль, что налетела на него. Старые раны ещё не зажили.

Он понял, что потерял аппетит, и тихо вздохнул, смотря на принца.

Следующим утром, Джоффри бесцельно бродил за пределами основной крепости, испытывая слабое чувство дежавю. Его разум был практически пуст от всяких мыслей, когда он увидел Лорда Старка, прогуливающегося неподалёку, тот шёл в направлении Богорощи.

Внезапная, необъяснимая ярость наполнила его. Он разъярённо потопал за ним, заходя глубже в Богорощу. Джоффри быстро потерял его среди переплетений деревьев, и ему пришлось возвращаться по своим следам, чтобы найти тропу. В конце концов, он обнаружил молчащего Лорда Старка на коленях, перед чардревом.

Джоффри пыхтя встал. Он прошёл с одной стороны поляны к другой, тряся кулаками. Наконец, он не выдержал.

Парень закричал со всей силы на Эддарда Старка, который после этого в испуге вскочил с колен. Он потерял дар речи, уставившись на тяжело дышащего наследного принца.

— Ты думаешь, они могут нас услышать?! Думаешь, что сможешь что-то изменить?! Нет никакого выбора, Старк!!! — кричал он с горящими глазами, приближаясь. Эддард казался парализованным от такого неприкрытого проявления эмоций, исходящих от Джоффри, мучительный поток брани, словно крик души звучал из уст принца, высасывая из него все

жизненные соки. — Никто не поможет нам, Старк! — надрывно выкрикнул он в лицо Эддарду.

После этого силы покинули его, и парень рухнул на снег, безутешно рыдая.

Нед смотрел на рухнувшую фигуру Джоффри в состоянии, близком к панике, не понимая, что происходит и какого чёрта он должен делать... поэтому он совершил первое, что пришло ему в голову, почти на рефлекс, вспоминая тёмную грозовую ночь, когда он нашёл Арию, плачущую в одиночестве в своей кровати.

Старк наклонился и обнял Джоффри. Его тяжёлая и трясущаяся фигура застыла на мгновение, после чего рыдания усилились вдвое, и он изо всех сил обнял Неда.

— Ты правда слышишь их? — спросил Джоффри, с красными от слёз глазами, сидя на одном из корней чардрева.

Эддард задумался над вопросом, сидя на другом, соседнем корне.

— Наши Боги не похожи на южных, мой принц, — нерешительным голосом начал Нед. — Никто не может потребовать услышать речь Старых Богов, или говорить от их имени... Но некоторые могут услышать эхо их шёпота, — несколько неловко произнёс он. Эддард не принадлежал к числу людей, которые могут вот так внезапно взять и выложить свои убеждения на обозрение, по крайней мере не незнакомцу, и тем более не мужчине, ладно, мальчишке, что однажды станет его королём. И уж точно он не стал бы этого делать при обычных обстоятельствах.

«Что ж, это явно необычные обстоятельства», — подумал Нед немного потрясённо.

Джоффри оказался полностью увлечён, и наклонился вперёд, сосредоточенно внимая.

— Как? — с мучительной тоской спросил он.

Эддард, казалось, замешкался с ответом, и некоторое время он обдумывал это про себя. Ему было стыдно признаться, но некая его часть хотела, чтобы принц от раздражения впал в гнев и ушёл прочь... но он видел, что такого не случится. Джоффри, всё так же, не двигаясь, ожидал ответа со взглядом полным такой печали, словно ему нечего терять, и единственным звуком, исходящим от него, было странное сопение.

— Наш разум то и дело наполняет нас... мыслями, воспоминаниями, думами... — задумчивым тоном говорил Нед, его зрачки были слегка расфокусированы, пока он пытался рассказать то, что чувствовал и делал, когда искал покоя Старых Богов. — Это вечный бег, что продолжается каждый миг нашего существования, — продолжал он, объясняя свои ощущения, о которые он никому не рассказывал с тех пор, как он был ещё мальчишкой, смотрящим на великое, древнее чардрево. — Но когда я здесь, я прислушиваюсь к мягкому шелесту листьев... я смотрю на медленное покачивание ветвей... а затем...

Джоффри неотрывно смотрел на него покрасневшими глазами, мертвой хваткой вцепившись в одну из ветвей чардрева.

— А затем? — шёпотом спросил он.

Эддард взглянул на один из красных листьев чардрева, который оторвал ветер и теперь мягко уносил его с поляны.

— Всё просто... останавливается. Твой ум... погружается в тишину, — тихим и убеждённым тоном произнёс Нед, сам себе кивая. — Твои чувства отпускают тебя, а разум очищается, словно разгоняя туман... Это и есть шепот Старых Богов.

— Покой, — прошептал Джоффри.

— Да, покой, хотя бы на мгновение, — сказал Эддард, кивнув.

Джоффри поднялся и начал озабоченно заламывать руки. Он смотрел на Эддарда отчаянным и потерянным взглядом.

— Ты научишь меня этому? Прошу... — попросил он его.

Эддард Старк и не задумывался об этом, он знал бы, что ответить, если бы Джоффри был его сыном... нет, он не может поступить иначе.

— Да, если ты хочешь этого, — сказал он.

— Спасибо, — прошептал Джоффри, бросившись к лорду Старку и обняв его, как тонущий моряк, обнимающий спасительные обломки.

«Что они сделали с этим мальчиком?» — думал Нед в полном оцепенении, после чего обнял в ответ и мягко погладил голову Джоффри, не обращая внимания на беззвучные рыдания и мокрые полосы, появляющиеся на его одежде.

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1584532>